

Гор Ордян, Рената Кроль-Мазур

Южный Кавказ спустя 30 лет после распада Советского Союза

Тридцать лет назад Грузия, Армения и Азербайджан добились независимости от Советского Союза. В результате в этих странах произошли фундаментальные изменения в политических, экономических и социальных сферах жизни, а происходящие изменения в последние годы (бархатная революция в Армении и вторая карабахская война) меняют геополитическое значение региона. Сегодня уже невозможно рассматривать это пространство только лишь в качестве постсоветского, как это было принято среди западных политиков и описывать регион только, как часть российской периферии. Однако, чтобы понять региональные трансформации последних тридцати лет, необходимо оглянуться назад.

После распада Советского Союза страны этого региона начали процесс системных трансформаций, которую называют постсоветским. Постсоветская трансформация была определена, как группа процессов, состоящая из нескольких компонентов. Исследователи считают это переходом от социалистического однопартийного авторитарного режима к демократии и от централизованной плановой

экономики¹. Это также называется «двойная трансформация». Некоторые исследователи, принимая во внимание тот факт, что часть этих стран должны были построить новую государственную систему, предлагали добавить третий компонент, известный как строительство государственности. Эта новая модель получила название «тройной трансформации»².

Постсоветская трансформация и соответствующие ей процессы на Южном Кавказе изначально были связаны с рядом проблем, возникших в результате войн³. Начиная с 1990 г. регион пережил несколько вооруженных конфликтов – Абхазия, Осетия и Нагорный Карабах. С тех пор Южный Кавказ пребывает в постоянном смятении. Этнические конфликты и территориальные споры на Южном Кавказе не только не способствовали созданию и развитию атмосферы сотрудничества, к преодолению постсоветской трансформации в регионе, но, напротив, негативно влияли на формирование политической и социальной реальности этих стран. Возникающие национальные элиты в Армении, Азербайджане и Грузии с самого начала формирования своих государств использовали крайний этнический национализм в качестве идеологической конструкции для мобилизации собственных национальных сообществ. Это, в свою очередь, привело к эскалации конфликтов, существовавших ранее на этом фоне.

Главной задачей первых моментов независимости было отражение военной угрозы и вопрос физического выживания, а не вопрос реформ и формирования новой политической реальности. Гражданская война в Грузии, параллельный абхазский и южноосетинский сепаратизм в этой стране, армяно-азербайджанская война из-за Нагорного Карабаха и прогрессирующее клановое соперничество способствовали быстрому формированию и утверждению сильной

¹ Theorizing Transition: The Political Economy of Post-Communist Transformations // *Picles J., Smith A.* (eds.). London: Routledge, 1998.

² *Kuzio T.* Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple // *Politics*, 2001. № 21 (3). P. 168–177.

³ *Fedorowicz K.* Konflikty na Kaukazie Południowym jako czynniki destabilizujące rzeczywistość społeczno-polityczną // *Studia Europejskie*, 2015. № 4 (76). S. 173–196.

президентской системы на Южном Кавказе. В таких условиях сила и насилие часто становились доминирующими факторами в формирующейся политической системе, как эффективный и простой механизм достижения политических целей. Существующие правовые механизмы преднамеренно нарушались и использовались для устранения политических оппонентов в соответствии с принципом, согласно которому цель оправдывает средства⁴. Но, с другой стороны, казалось, что формируются демократические институты – свобода слова, появление альтернативных СМИ, формирование гражданского общества и т.д. В результате эти государства перешли в промежуточное состояние, то есть, к политическим режимам, имеющим как демократические, так и авторитарные черты. Этот тип промежуточных состояний известен, как т.н. гибридные режимы⁵. Группа гибридных режимов включает избирательную демократию, в которых требования демократии формально соблюдаются, но отсутствуют гарантии гражданских прав и свобод. Проводятся регулярные и всеобщие выборы, есть оппозиционные партии, и нет никаких формальных ограничений в отношении пассивного избирательного закона. Во время избирательного процесса есть нарушения, но их масштабы невелики, и они не искажают результат выборов. Власть принадлежит лидерам, получившим наибольшую поддержку в условиях высокой конкуренции. В эту группу входили Армения и Грузия. В Азербайджане существовал и продолжает существовать другая гибридная система. Здесь существует гегемонистский авторитаризм, при котором выборы проводятся в основном в пропагандистских целях и носят фасадный характер⁶. Нет элементов политической конкуренции, а оппозиция преследуется и исключается из политической жизни. На выборах правящая партия получает почти все доступные

⁴ *Fedorowicz K.* Kaukaz Południowy po upadku ZSRR – próby transformacji i konflikty etniczne // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, 2017. T. 14. № 3. S. 127–154.

⁵ *Riedel R.* *Tranzytologia i konsolidologia – czyli jak zbadać poziom zaawansowania demokracji systemu politycznego* // *Przegląd Politologiczny*, 2008. № 1. S. 24.

⁶ *Diamond L.J.* Thinking about hybrid regimes // *Journal of Democracy*, 2002. Vol. 13. № 2. P. 22–35.

места. Политические элиты заинтересованы только в личной выгоде, они коррумпированы, а связанные с властью монополистические и олигархические группы играют важную роль в экономике.

Гибридные системы известны тем, что подрывают идею свободных рыночных отношений. В результате создаются узкие классы экономических олигархов, которые заинтересованы в отсутствии реальных реформ и изменений, что способствует неформальному регулированию, монополиям, оказывающим крайне негативное влияние на процесс экономических и политических преобразований в стране.

Характерной чертой стран Южного Кавказа, включенных в гибридные режимы, стало использование правящими лидерами парламентской формы правления для обеспечения преимущества интересов правящей группы. В 2010 г. политическая элита Грузии решила изменить нынешнюю президентскую форму осуществления власти. Парламент принял поправки к конституции, которые коренным образом изменили баланс сил между президентом, правительством и парламентом. Произошел отход от сильной президентской модели, в которой до сих пор один человек в государстве держал большую часть власти в своих руках, что постепенно привело к злоупотреблениям и эволюции в сторону авторитарной системы. Представленные изменения вступили в силу только после президентских выборов в Грузии в декабре 2013 г. и окончания второго и последнего срока полномочий президента Грузии Михаила Саакашвили⁷. Эти действия были интерпретированы, как позволяющие главе государства остаться у власти в качестве премьер-министра, что привело к поражению Саакашвили на выборах.

Аналогичный механизм реализован в Армении. В сентябре 2013 г. президент Серж Саргсян, не посоветовавшись с другими органами власти, назначил президентскую конституционную комиссию, которая разрабатывала проект реформы Конституции Армении,

⁷ *Fedorowicz K. Kaukaz Południowy po upadku ZSRR..., S. 144–145.*

превращающей страну из полупрезидентской в парламентскую республику, который был реализован в 2015 г. Многие эксперты рассматривают такую парламентскую модель как «суперпремьерскую», когда вся власть сосредоточена в руках премьер-министра, а президент играет символическую роль. Тем самым Серж Саргсян хотел продлить свое правление и собирался взять власть в третий раз. Это закончилось его отстранением от власти в результате Бархатной революции 2018 г.⁸

«Бархатная революция», произошедшая в Армении в апреле 2018 г., не имеет аналогов на всем постсоветском пространстве. Лидер революции Никол Пашинян применил ненасильственные методы борьбы со своими сторонниками, чем удивил власти Армении. С другой стороны, граждане Республики Армения, движущая сила революции, молодежь проявили уникальную политическую зрелость и единство. Целью революции было поменять правительство в Армении, установить в стране настоящую демократию, бороться с монополистическими системами олигархов. Но одно дело было совершить революцию, другое дело управлять страной. Во-первых, Н. Пашинян не изменил модель «суперпреьера», которую сам критиковал, и продолжал управлять страной по той же логике. Во-вторых, несмотря на то, что в стране установилась народная власть, не была введена новая система плавного перехода от прежней системы, в результате чего общество разделилось на два полюса. В-третьих, Н. Пашинян назначил на самые важные должности «своих людей», которые, были молоды и без опыта в работе аппарата госуправления, люди, которые в основном потерпели неудачу в своих профессиональных сферах управления. Апогеем всего этого был проигрыш во второй Карабахской войне, который был результатом плохого управления. Это ясно показало недостатки парламентского управления в Армении. В результате все это усилило разговоры в Армении о необходимости возврата к президентской или полупрезидентской

⁸ Григорян С.Г. Армянская Бархатная Революция. Ереван: Эдит Принт, 2018. С. 150–176.

модели правления и создало в некотором смысле общественное недоверие к «демократическим ценностям», которые многие считают основной причиной хаоса, а в Азербайджане наоборот, президент Ильхам Алиев продолжает извлекать выгоду из своей победы в Нагорном Карабахе, демонстрируя преимущества президентской системы, авторитаризма, продуктивность его долгого правления и несостоятельность демократических ценностей и т.д.

В этом контексте как мы видим на Южном Кавказе и геополитические, и экономические, и социальные настроения так или иначе связаны с угрозой войны. Войны, которые определяют последовательность действий государств. Это особенно касается в отношении недавней карабахской войны (27 сентября 2020 г.), которая изменила региональный геополитический баланс. Южный Кавказ, который традиционно считалась сферой российского влияния, был изменён, и Турция вошла в регион, пытаясь усилить свое влияние, тем самым демонстрируя свое право стать одним из главных участников процесса, происходящих в этом регионе⁹. Подтверждением тому, является предложения Турции о создании платформы 3+3 по региональным вопросам и возобновлением коммуникаций, которое подразумевает участие Турции, России, Ирана, Азербайджана, Армении и Грузии¹⁰. Пока всему этому прямо противостоит только Грузия, а у Армении косвенная позиция (после поражения в войне она практически потеряла способность принимать собственные решения, и все решения во многом зависят от России). Тбилиси ни в какую не хочет соглашаться на совместное участие с Москвой в этой платформе. Грузинская сторона понимает, что не должна оставаться в стороне от региональных платформ, но хочет, чтобы все страны в них участвующие, уважали территориальную целостность и су-

⁹ Хас К. Вторая Карабахская Война как отражение внешнеполитической стратегии Турции. В кн.: Буря на Кавказе / Пухова Р.Н. (ред.). М: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. С. 95–104.

¹⁰ Формат «3+3» – опасная смесь экономики с геополитикой или шанс на мир?. URL: <https://www.risiteurasia.org/news--2021-10-20--format-3-3-opasnaja-smes-ekonomiki-s-geopolitikoj-ili-shans-na-mir-56952> (дата обращения: 14.11.2021).

веренитет других государств. А во-вторых, это может грозить ограничением развития демократического (европейского) пути Грузии и Армении и закрыться в кругу таких стран, в которых существует авторитарная политическая система (Россия, Иран, Турция, Азербайджан). Как мы видим, после тридцати лет на Южном Кавказе события развиваются снова очень динамично, и в будущем здесь ожидаются очень серьезные изменения, если в регионе будет реализована разблокировка коммуникаций.

Вооруженные конфликты в регионе

После распада Советского Союза три постсоветских государства Южного Кавказа унаследовали общую стратегическую среду и множество общих ограничений. Все они – небольшие государства, граничащие с тремя великими державами: Турцией, Ираном и Россией (последняя также является глобальной державой). Все они имеют слабый военный потенциал, который не служит сдерживающим фактором ни для одной из держав в регионе. Каждое из трех государств Южного Кавказа возникло в результате сепаратистских территориальных конфликтов и с момента своего образования имело неопределенные границы и режимы. Внешняя поддержка – особенно со стороны России – была ключевым фактором возникновения конфликтов на Кавказе в постсоветский период. Россия поддерживает локальные конфликты и продвигает свои государственные интересы (включая размещение собственных войск в качестве миссионеров). Неспособность разрешить вышеупомянутые конфликты обеспечивает России и другим державам значительное влияние на ситуацию в регионе.

Конфликт в Абхазии и Южной Осетии

В Грузии было два замороженных конфликта – в Южной Осетии (1991-1992 и 2008) и Абхазии (1992-1993). Южная Осетия, которая в со-

ветское время имела статус автономной области Грузинской Советской Социалистической Республики. В 1990 г. она предприняла шаги по изменению своего статута, что привело к войне с Грузией. Российская Федерация сначала поддержала осетинских сепаратистов, а затем предложила посредничество в конфликте, что привело к прекращению огня. Граница между Осетией и остальной территорией Грузии патрулировалась смешанными грузино-российско-осетинскими миротворцами. Абхазия недолго была независимым государством в 1920-х годах. В советское время она получила статус автономной республики в границах Грузинской ССР и была подвергнута грузинизации (только 18% населения составляли абхазы, которых дополнительно отстранили от должности, упразднили абхазское образование и ввели грузинский алфавит). Недовольство и озабоченность вызвали также националистические лозунги президента Звиада Гамсахурдиа. В 1992 г. Абхазия провозгласила свою независимость, и Грузия, желая предотвратить это, начала восстанавливать порядок военными методами. Российская Федерация поддержала действия Абхазии, также поддержав помощь, оказанную им боевиками с Северного Кавказа, а затем, в обмен на согласие Грузии вступить в Содружество Независимых Государств (СНГ), согласилась выступить посредником. В 1994 г. было подписано соглашение о прекращении огня, а на границе между Абхазией и остальной частью Грузии были размещены российские войска, имеющие статус миротворцев СНГ. Грузия также должна была согласиться на присутствие российских военных баз на своей территории¹¹.

Оба квазигосударства функционируют благодаря российской поддержке – восстановление после войны, экономическая зависимость и, благодаря выдаче российских паспортов большинству населения Абхазии и Южной Осетии, также социальная защита. Россия усиливает этнические и социальные конфликты, поддерживает пророс-

¹¹ *Жирохов М.* Семена Распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. С.-П.: „БХВ-Петербург”, 2012. С. 313–354.

сийские группы и использует политические кризисы для сохранения своего влияния. Ситуация усугубилась после прихода к власти в Грузии Михаила Саакашвили (2004-2013), который проводил прозападную политику (вступление Грузии в НАТО и ЕС) и начал работать над восстановлением территориальной целостности страны. На границах между квазигосударствами и Грузией время от времени происходят столкновения между враждующими сторонами. В начале августа 2008 г. произошла эскалация конфликта и вооруженные столкновения на границе между Южной Осетией и Грузией. Грузия предприняла военные действия против Южной Осетии. Осетины были поддержаны Российской Федерацией и абхазами (которые образовали второй фронт). Операции проходили на суше и на море, и русским удалось захватить большую часть Грузии. Пятидневная война закончилась перемирием, заключенным президентом Франции Николя Саркози, и признанием Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Россияне также создали военные базы в Южной Осетии (Цхинвали и Джава) и Абхазии (Гадаута – функционирует с 1990-х годов), которые являются гарантией существования сепаратистских республик и средством давления на Грузию. Абхазия и Южная Осетия интегрированы в российскую систему пограничного контроля, обороны, таможенной политики. Их силовые структуры интегрированы в Федеральную службу безопасности и вооруженные силы России¹². Интеграция обоих квазигосударств с Россией прогрессирует (в 2014 г. Абхазия подписала Договор о союзе и стратегическом партнерстве, а в 2015 году Южная Осетия – Договор о союзе и интеграции). Тем не менее, Абхазию можно считать наименее подверженной российскому давлению. В то время как осетины хотят стать частью Российской Федерации, абхазы не выражают такого желания. Когда к власти в Грузии пришла «Грузинская мечта», были предприняты

¹² Legieć A. Perspektywy polityki Rosji wobec Kaukazu Południowego // Biuletyn PISM, 2021. № 77 (2275). URL: https://pism.pl/publikacje/Perspektywy_polityki_Rosji_wobec_Kaukazu_Poludniowego (дата обращения: 24.11.2021).

шаги по развитию контактов с Абхазией и Южной Осетией, не отказываясь при этом от возвращения потерянных провинций. В апреле 2018 г. Грузия представила инициативу «Шаг к лучшему будущему», целью которой было развитие торговых отношений с обеими сепаратистскими республиками и предоставление населению доступа к грузинскому образованию. Предложение было ими отклонено¹³.

Нагорнокарабахский конфликт

Период перестройки в Советском Союзе вызвал возрождение национальных движений в Армении и других советских республиках. Одним из наиболее важных движений того периода было движение Карабаха, главной целью которого было включение Нагорного Карабаха в состав Армении¹⁴. Армянский этнолог Арутюн Марутян, определяет это движение как «Армянскую революцию», которая была первой среди революций «Восточного блока» конца 1980-х годов¹⁵.

Нагорный Карабах долгое время оставался предметом спора между Арменией и Азербайджаном. В 1920 г. Закавказье было оккупировано большевиками. 4 июля 1921 г. Кавказское отделение Коммунистической партии СССР созвало пленум в Тбилиси, подтвердив принадлежность Нагорного Карабаха к Армянской ССР. Однако после немедленного вмешательства Иосифа Сталина это решение было пересмотрено, и в ночь на 5 июля было принято решение включить его в состав Советского Азербайджана, несмотря на то, что более 86,6% жителей составляли армяне¹⁶. Взамен Азербайджанская Советская

¹³ Kolstø P. Biting the hand that feeds them? Abkhazia–Russia client–patron relations // *Post-Soviet Affairs*, 2020. Vol. 36. № 2. P. 140–158; Szeptycki A. Europa Wschodnia i Kaukaz Południowy od ukraińskiej „rewolucji godności” do wojny o Górski Karabach. Warszawa: Elipsa, 2021. S. 102–106.

¹⁴ Olszewski P. Konflikt azerbejdżańsko-ormiański o Górski Karabach // *Łoś R., Regina-Zacharski J.* (red.) // *Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą*. T. 1. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2012. S. 175–201.

¹⁵ Marutyan H. Iconography of Historical Memory and Armenian National Identity at the End of the 1980s. / Darieva T., Kaschuba W. (eds) // *Representations on the Margins of Europe: Politics and Identities in the Baltic and South Caucasian States*, Frankfurt – Main – Chicago: Campus Verlag, 2007. P. 89–113.

¹⁶ Саргсян Г. Население Нагорного Карабаха за 100 лет (1823-1923 гг.) (Этнодемографическое исследование) // *Проблемы арменоведения*, 2016. Т. 8. № 2. С. 59–81.

Социалистическая Республика должна была предоставить Нагорному Карабаху региональную автономию. Лишь два года спустя была установлена автономия в отношении армянской части Нагорного Карабаха, которая носила чисто декларативный характер. В это время в результате потери независимости Азербайджаном и Арменией национальный конфликт из-за Нагорного Карабаха был «заморожен»¹⁷. Однако это не означало, что армяне перестали озвучивать свои проблемы в Нагорном Карабахе.

Возможность появилась с наступлением перестройки и приходом к власти Михаила Горбачева. В 1987 г. было собрано более 200,000 подписей за включение Карабаха в Армянскую ССР. Однако это не оставило равнодушным азербайджанское общество, среди которых стали расти антиармянские настроения. 27-29 февраля 1988 г. армянский погром произошел в Сумгаите, городе, расположенном всего в 35 километрах к северу от столицы Азербайджана Баку. В течение трех дней азербайджанские группы нападали и убивали армян в их домах и на улицах. Армянское этническое меньшинство подверглось организованной резне и массовому насилию. Эта трагедия произошла с согласия Народного фронта Азербайджана и местных властей¹⁸. По официальным данным, погибли 29 армян и три человека других национальностей, количество раненых не установлено. Армянская сторона считает, что в Сумгаите погибло намного больше людей и не менее нескольких сотен были ранены. Все происходило при пассивном отношении советских спецслужб. Жертв могло быть больше, если бы не отношение сотен азербайджанцев, которые рисковали своей жизнью, чтобы защитить и спасти своих армянских соседей¹⁹. В этих массовых убийствах армяне начали видеть сходство с геноцидом своего народа в 1915 г. Они требовали политической

¹⁷ Rokita Z. Historia konfliktu górskokarabaskiego i jego miejsce w polityce zagranicznej Federacji Rosyjskiej // Pisma Humanistyczne, 2010. T. 7. S. 135–147.

¹⁸ Shahmuratian S. The Sumgait Tragedy: Pogroms against Armenians in Soviet Azerbaijan. Volume I: Eyewitness Accounts. Trans. J. Steven. Toronto: The Zoryan Institute, 1990.

¹⁹ Szmurło Z. Pierestrojka i tragiczne wydarzenia w Sumgaicie // Studia Gdańskie. Wizje i rzeczywistość, 2013. T. 10. S. 267–284.

оценки этих событий со стороны властей Советского Союза. Однако такой оценки не было. В итоге, понимая, что помощи од Москвы не будет, среди армян возросла мысль организованнее самообороны, что в итоге переросло в войну (1992–1994 гг.).

Война закончилась подписанием режима прекращения огня 12 мая 1994 г. в Бишкеке. Основным положением договора являлось обеспечение полного прекращения огня и военных действий. В результате прекращения огня не только автономная область НКАО оказалась под контролем армян, но и семь районов Азербайджана. После этого 4 февраля 1995г. под эгидой ОБСЕ по предложению сопредседателей было подписано соглашение об урегулировании инцидента между Азербайджаном, Арменией и Нагорно-Карабахской Республикой.

Состоявшиеся переговоры не привели к долгосрочному результату, несмотря на то, что стороны несколько раз были близки к окончательному решению вопроса. Это означало жить в условиях ни войны и ни мира²⁰. С обеих сторон усиливалась военная риторика элит, что было основным механизмом воспроизводства власти.

Несмотря на регулярные столкновения, не имеющие стратегического значения, и взаимные обстрелы, в целом достигнутое перемирие соблюдалось до существенного обострения ситуации в апреле 2016 г. известно также как «Четырёхдневная война» или «Апрельская война»²¹ Этот конфликт длился четыре дня, в результате чего стороны понесли человеческие потери, а Нагорно-Карабахская Республика понесла определенные территориальные потери (около 800 гектаров)²¹. Впервые были применены дроны израильского производства, что показало, насколько далеко Армения отстала в гонке военной техники. Это столкновение несколько ослабило позиции

²⁰ *De Waal T.* Black Garden. Armenia and Azerbaijan through Peace and War. New York – London: NYU Press, 2003.

²¹ Саргсян: Мы потеряли около 800 га территорий, не имеющих стратегического значения. URL: <https://www.panarmenian.net/rus/news/212454/> (дата обращения: 14.11.2021).

Сержа Саргсяна в Армении. Многие начали обвинять его в ненадлежащем вооружении армии, что привело к лишению его власти в 2018 г.

Новое правительство во главе с Николом Пашиняном объявило, что переговоры начинаются с его новой точки. Изначально создавалось впечатление, что в переговорах есть некоторый позитивный прогресс. Однако этот оптимистичный подход закончился 12 июля 2020 г., когда в северо-восточной части Армении вновь обострились боевые действия, в результате которых азербайджанский генерал был убит, а Азербайджан потерял стратегически важную высоту. Это вызвало глубокое недовольство азербайджанского общества, которое тоже почувствовало себя обманутым, полагая, что бюджет, использованный на армию, не дает результата. В результате И. Алиев оказался в сложной внутривнутриполитической ситуации. За этим последовали турецко-азербайджанские военные учения, которые вскоре должны были стать началом второй карабахской войны.

27 сентября 2020 г. вооруженные силы Азербайджана начали массовое военное наступление на Нагорный Карабах. При поддержке ВС Турции (самолеты F-16, факт дислокации этих самолетов в Азербайджане подтвержден президентом этой страны)²² и нескольких сотен наемников и джихадистов из Сирии и Ливии (информация подтверждена властями России и Франции)²³, были нанесены удары с земли и воздуха по военным и гражданским объектам Нагорно-Карабахской Республики с использованием самых современных военных технологий, включая беспилотные летательные аппараты, ракеты, артиллерия, танки, тяжелой техники и т. д.²⁴

Война, продолжавшаяся 44 дня, закончилась подписанием трехстороннего заявления в ночь с 9 на 10 ноября, в результате чего

²² Алиев объяснил моральной поддержкой наличие в Азербайджане турецких F-16, режим доступа. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f96ad8e9a794730332782fo> (дата обращения: 14.11.2021).

²³ Нарышкин заявил о переброске тысяч террористов в Нагорный Карабах. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4520578>, (дата обращения: 14.11.2021).

²⁴ Макрон заявил о присутствии боевиков джихадистских группировок в Карабахе. URL: <https://www.dw.com/ru/makron-zajavil-o-prisutstvii-dzhihadistov-v-karabahe/a-55125244> (дата обращения: 14.11.2021).

Азербайджан вернул свой состав не только 7 районов, но и Гадрут и Шуши²⁵. Армянской стороне остался лишь узкий коридор в Лачинском районе, который соединяет Армению с Нагорным Карабахом. В Нагорном Карабахе развертывалось миротворческий контингент России сроком на пять лет. После подписания соглашения и размещения российских миротворцев министры обороны России и Турции подписали меморандум о создании совместного российско-турецкого центра мониторинга в Азербайджане. Россия, однако, настаивала на том, что участие Турции будет ограничено удалёнными операциями из центра мониторинга на территории не примыкающей к Нагорному Карабаху.

Таким образом, вторая карабахская война заканчивается тяжелым поражением армянской стороны а Турция входит в регион с определенным присутствием. Все это, безусловно, меняет геополитику региона и приносит новые вызовы. Сам Нагорный Карабах остается без статуса. Армения говорит об обсуждении карабахской проблемы в рамках сопредседательства Минской группы, а Азербайджан объявляет об окончании этой проблемы. Российская сторона говорит о преждевременном статусе вопроса, оставив его на потом.

Таким образом «буря на Кавказе», продолжается, многие вопросы остаются без ответа, а их решения содержат возможность решения проблем путем новой войны.

Геостратегическая роль Южного Кавказа

В начальный период после распада СССР, США, Европа и большинство других мировых держав рассматривали Кавказ как часть российского влияния. Это изменилось в 2000-х годах, когда Европа стала проявлять больший интерес к региону, а США, Иран и Турция начали проводить политику, направленную на обеспечение своих интересов в этом регионе. Для многих держав этот регион чрезвычайно

²⁵ Макиенко К.В. Россия как главная..., С. 39–47.

важен по соображениям безопасности. Кавказ стал одним из основных передовых регионов в конфликтах между Россией и США, и Ираном, что повысило глобальное значение региона и одновременно способствовало его нестабильности. Кавказ также служит важным воздушно-транспортным коридором между Европой и Азией, в том числе в такие важные зоны безопасности, как Афганистан. Кроме того, Южный Кавказ (Азербайджан и Грузия) является значительным источником нефти и газа и потенциальным транзитным маршрутом для дополнительных каспийских энергоресурсов, что повышает стратегическое значение для местных и глобальных держав. Рост мировых цен на нефть в первом десятилетии 21 века вызвал к жизни крупные инфраструктурные проекты (нефтепровод БТД (Баку-Тбилиси-Джейхан) и газопровод БТЭ (Баку-Тбилиси-Эрзурум)), связанные с перенаправлением экспорта энергоносителей. В период высоких цен на нефть в 2003-2008 гг. Кавказ и Каспийский регион были в центре международного внимания, а влияние в регионе считалось одной из важнейших целей. Несмотря на неопределенную ситуацию на Кавказе и разногласия между сторонами, участвующими в инвестициях, работы продолжают над TANAP (Trans-Anatolian Natural Gas Pipeline) и TAP (Trans Adriatic Pipeline). Со второго десятилетия XXI в. в рамках стратегии Нового Шелкового пути реализуется проект ТИТР (Транскаспийский международный транспортный маршрут, одним из участков которого является Транскавказский – он должен соединить территории Китая, Казахстана, Азербайджана, Грузии, Украины, Румынии и Польши. В его рамках строятся железнодорожные, морские и автомобильные сообщения. Он включает маршрут ВТК (Баку-Тбилиси-Карс), действующий с 2017 г.²⁶

²⁶ *Kwiatkiewicz P.* Energetyka i jej przyszłość w państwach Kaukazu Południowego a stosunki międzynarodowe w regionie. Poznań: Wydawnictwo FNCE, 2021. С. 89–92, 107–112; *Olejnik M.* Gruzja na nowym jedwabnym szlaku? / *Marszałek-Kawa J., Bodio T.* (red.) // Z badań nad transformacją państw Azji Centralnej, Kaukazu i Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2021. С. 147–159; *Айвазян Д.* Южный Газовый коридор как инструмент диверсификации импорта газа в Европейский Союз // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018. № 2. С. 128–134.

Эти действия противоречили интересам России. Москве удалось помешать трем государствам Южного Кавказа занять позиции, противоречащие ее основным политическим целям, и ограничить возможности США по укреплению своей власти в регионе. Война 2008 г. показала, что у США нет достаточных средств, чтобы сдерживать и вытеснить Россию из Грузии. В то же время им приходится противостоять западноевропейским странам, США, Китаю и Ирану, которые, учитывая стратегическое расположение государств Южного Кавказа на маршруте «Старого шелкового пути», все больше стремятся к сотрудничеству с ними.

Именно в конце 1990-х гг. Европейский Союз (ЕС) начал проявлять повышенный интерес к региону. Его действия были неуклюжими и характеризовались непониманием европейскими партнерами проблем региона и признанием стран Южного Кавказа зоной российского влияния. В 1999 г. Грузия, Армения и Азербайджан подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, а в 2004 г. они были включены в Европейскую Политику Соседства (ЕПС). ЕС предложил множество программ помощи, но в отношениях со странами Южного Кавказа он сосредоточился на сотрудничестве в таких областях, как энергетика, транспорт и устойчивое развитие на территории соседства. Армения и Азербайджан, в силу сложной внутривосточной ситуации, не установили более тесных отношений с ЕС в рамках ЕПС и не пользуются имеющимися инструментами сотрудничества и помощи. Проект «Восточное партнерство» (ВП) должен был стать продолжением ЕПС. ВП поддерживает политические и социально-экономические реформы в этих странах, способствуя сближению с Европейским Союзом и общей приверженности стабильности, безопасности и процветанию с целью ускорения политической ассоциации и экономической интеграции между ЕС и странами-партнерами. Это должно дать Союзу и его партнерам большее ощущение стабильности, безопасности и процветания. При создании ВП мало внимания уделялось отношению и готовности самих стран Южного Кавказа. Уже после первого саммита ВП государ-

ства Южного Кавказа заявили, что они хотят в основном углубления экономического сотрудничества и либерализации визовой политики ЕС²⁷. Только Грузия недвусмысленно заявила о своих стремлениях к членству в Европейском Союзе и Североатлантическом альянсе – и поэтому она всегда была на переднем крае интересов ЕС. Армения и Азербайджан не были заинтересованы. В 2014 г. Грузия подписала Соглашение об ассоциации с ЕС с созданием в его рамках Углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (DCFTA - Deep and Comprehensive Free Trade Area) и получила безвизовый режим с ЕС (в 2017 г.). Армения подписала договор о всеобъемлющем и расширенном сотрудничестве (СЕРА) с ЕС в ноябре 2017 г., которое вступило в силу в марте 2021 г. Это соглашение не предусматривает создание зоны свободной торговли, что стало следствием членства Армении в Евразийском экономическом союзе.

К сожалению, Европа проводит типичную политику холодной войны в отношении стран Южного Кавказа – дифференцируя их и проводя по отношению к ним разную политику, подчиненную собственным целям, что может только способствовать углублению их дальнейшего разделения – не все кавказские страны участвуют во всех программах ЕС, а те, в которых они участвуют, обрекают их на разное отношение и финансирование. Кроме того, ЕС заинтересован только в крупных инвестициях. ЕС пытается заставить страны Южного Кавказа адаптироваться к правилам и нормам Западной Европы, не принимая во внимание различные культурные традиции на Кавказе. ЕС ожидает от стран-партнеров на Кавказе принятия правовых, политических и экономических норм ЕС (без перспективы вступления в Союз), но не в состоянии предложить им адекватную поддержку этих реформ – ни политическую, ни материальную. Привлекательность ЕС ослаблена тем, что у него нет инструментов

²⁷ *Brzuska E. Europejska Polityka Sąsiedztwa w kształtowaniu pogranicza Unii Europejskiej na przykładzie państw Kaukazu Południowego / Łoś R., Regina-Zacharski J. (red.) // Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą. T. 2. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. S. 78–89.*

для проведения внешней политики и политики безопасности в регионе и разрешения конфликтов в этом регионе. Нагорнокарабахский конфликт 2020 г. продемонстрировал фактическое отсутствие ЕС как международного актора на Кавказе. Несмотря на различные декларации, ЕС не в состоянии предложить больше, чем он сделал до сих пор. Среди избирателей ведущих стран ЕС растет противодействие любым шагам, которые могут привести к открытию ЕС для большего числа стран.

Постсоветская экономическая трансформация на Южном Кавказе

За последние 30 лет трансформационные процессы и либерализация экономики на Южном Кавказе привели этих стран к реинтеграции в мировую экономику. Задача построения полноценной рыночной экономики была сложной и длительной. Либерализация торговли и цен произошла быстро, но институциональные реформы в таких областях, как управление, политика в области конкуренции, рынки труда, приватизация и реструктуризация предприятий, до сих пор остаются проблематичными.

Экономическая трансформация стран Южного Кавказа отмечена экономическими проблемами, которые являются наследием старой системы, при которой государственные предприятия несли многочисленные убытки, а после распада Советского Союза их существование без серьезных инвестиций стало невозможным. В результате промышленность ложилась тяжелым бременем на национальные бюджеты. Состояние сектора государственных финансов и эффективный ход трансформации зависели в первую очередь от реструктуризации и рекапитализации. Таким образом, приватизация стала одним из важнейших элементов экономической трансформации стран региона. В основе этого процесса лежала старая номенклатура, в результате которой власть и бизнес были переплетены, политическая система подвергалась олигархизации, а экономическая

трансформация характеризовалась механизмами клановой политики²⁸. Поэтому так называемый свободный рынок изначально предназначался для небольших групп, тесно связанных с политическими элитами.

Клановое правление продолжает играть важную роль в Азербайджане как в политической системе, так и в экономике. Эта страна, основная часть экономики которой состоит из нефти и газа, продолжает сохранять лидирующие позиции в экономике по сравнению с Грузией и Арменией. Однако его влияние на благосостояние самого населения менее заметно. Благодаря нефтегазовой экономике, Азербайджан поддерживает хорошие отношения с Европейским Союзом, с одной стороны, и с Россией, с другой. Это помогает ему сохранять автономию и не присоединяться к каким-либо интеграционным процессам.

Иная картина в случае с Грузией и Арменией. Развитие олигархической экономики в Грузии продолжалось до Революции роз. После прихода к власти Михаила Саакашвили начался процесс устранения олигархов, связанных с Э. Шеварднадзе. Успехом проведенных реформ стало снижение индекса коррупции²⁹. В 2004–2008 гг. экономика развивалась впечатляющими темпами. Массовый приток иностранных инвесторов показал, насколько уязвима республика к внешним факторам. Позже российско-грузинская война принудила Грузию изменить вектор внешней политики на запад. В настоящее время грузинские политические элиты руководствуются концепцией «европейскости», или, как утверждает Арчил Сихарулидзе радикальной «европейскостью» ориентированной на вступление в ЕС³⁰.

Развитие олигархической экономики в Армении было задано изначально и продолжалось до 2018 г. Бархатная революция и приход

²⁸ Крыштановская О. Трансформация бизнес-элиты России: 1998-2002. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/kryshtanovskaya_transfor/ (дата обращения: 14.11.2021).

²⁹ Sikora-Gaca M. Wpływ transformacji gospodarczej na proces formowania elit w państwach Kaukazu Południowego (wybrane aspekty) // Studia Gdańskie. Wizje i rzeczywistość, 2012. T. 9. S. 259–284.

³⁰ Sikharulidze A. Georgia Beyond “Radical Europeaness”: Undiscovered Directions of Foreign Policy // Journal of International Analytics, 2020. Vol. 11 (2). P. 91–108.

к власти Н. Пашиняна, положили начало борьбе со старой олигархической системой. Несмотря на то, что успехов немного, можно сказать, что в настоящее время в Армении нет институциональной коррупции и монополий. Однако, в отличие от Грузии, Армения интегрирована в Евразийский экономический союз. Армения выбрала это направление в основном исходя из реалий безопасности. Однако, имея хорошие отношения и с ЕС.

Таким образом, можно сказать, что Армении и Грузии удалось демонтировать олигархические системы за последние 30 лет, более или менее либерализовать рынок, в то время как в Азербайджане клановая система продолжает функционировать, а коррупция играет значительную роль в экономике этого государства.

Иностранная политика

Иностранная политика государств Южного Кавказа в значительной степени зависит от их геостратегических и экономических интересов. После обретения независимости новым государствам пришлось создавать министерства иностранных дел с нуля. У них не было формальных институтов для подготовки дипломатов, и большинство из их первоначального дипломатического корпуса ранее работали советскими дипломатами или переводчиками в советских учреждениях. Армения была в более выгодном положении, поскольку также привлекала членов диаспоры к работе на высших дипломатических должностях. Несмотря на общее постсоветское наследие, географическое положение взаимного противостояния с неопределенными границами и политикой (из-за крупных сепаратистских конфликтов), три государства Южного Кавказа приняли три различные иностранные ориентации и стратегии. Несмотря на общее историческое наследие, каждая из трех стран проводит разную политику в отношении России. Армения решила вступить в военный союз с Россией (у Москвы есть военные базы на территории Армении и общая система ПВО). Грузия, в свою очередь, сделала выбор в пользу союза

с США, а Азербайджан проводит политику балансирования между глобальными и региональными державами. В постсоветский период страны Южного Кавказа значительно повысили профессионализм своей дипломатической службы (в том числе за счет развития регулярных программ дипломатической подготовки). Резко возросло число посольств и дипломатических представительств за рубежом. Три государства Южного Кавказа приняли официальные документы по национальной безопасности и/или иностранной политике или военной доктрине. Азербайджан принял концепцию национальной безопасности в 2007 г.³¹; Грузия приняла документ о концепции национальной безопасности в 2005 г. и еще один в 2011 г.³², а также документ о стратегии иностранной политики в 2006 г. (последний раз в 2019 г.³³) Армения приняла Стратегию национальной безопасности в 2007 г. (последняя в 2020 г.³⁴) и военную доктрину в 2007 г.³⁵

В Азербайджане, во время президентства Абулфеза Эльчибея (1992-1993), идеологические соображения определяли формирование иностранных стратегий и обозначение альянсов. В этот период Баку отклонил предложения о вступлении в Содружество Независимых Государств. Эльчибей, подняв вопрос о поддержке «Южного Азербайджана», ухудшил отношения с Ираном. В отличие от этого, иностранная политика, проводимая президентом Гейдаром Алиевым (1993-2003) и продолженная президентом Ильхамом Алиевым (2003-н.в.). В ней роль идеологии принижалась, материальные фак-

³¹ National Security Concept of the Republic of Azerbaijan, Approved by Instruction No. 2198 of the President of the Republic of Azerbaijan on 23 May 2007. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/154917/Azerbaijan2007.pdf> (дата обращения: 11.11.2021).

³² National Security Concept of Georgia. URL: <https://mod.gov.ge/uploads/2018/pdf/NSC-ENG.pdf> (дата обращения: 11.11.2021).

³³ Foreign Policy Strategy of Georgia for 2019-2022. URL: <http://mfa.gov.ge/getattachment/MainNav/ForeignPolicy/ForeignPolicyStrategy/2019-2022-clebis-saqartvelos-sagareo-politikis-strategia.pdf.aspx> (дата обращения: 11.11.2021).

³⁴ National Security Strategy of the Republic of Armenia. A resilient Armenia in a Changing World, July 2020. <https://drive.google.com/file/d/1J-lsXkqsW0J8YhmKTnizWtu6-vKadGxe/view/> (дата обращения: 11.11.2021).

³⁵ The Military Doctrine of the Republic of Armenia 2007. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/155588/Armenia%20Military%20Doctrine%202007eng.pdf> (дата обращения: 11.11.2021).

торы принимались во внимание и оказывали значительное влияние на иностранные решения страны и выбор альянсов. При обоих президентах Алиевых иностранная политика Азербайджана включала шесть основных элементов: (1) балансирование отношений с крупными региональными и глобальными державами; (2) не учитывать факторы религиозной и этнической идентичности при выборе альянсов и определении основных векторов сотрудничества; (3) сохранять полную независимость и не быть вассальным государством ни одной из региональных держав; (4) проведение политики, которая служит гражданам Азербайджанского государства, а не более широкой азербайджанской этнической общине (5) соглашения по транспорту и транспортной инфраструктуре являются частью повестки дня иностранной политики государства и инструментом этой политики; (6) Постоянно пытаться обеспечить государству безопасные и признанные постоянные границы путем урегулирования нагорнокарабахского конфликта с Арменией³⁶.

Азербайджан проводит политику балансирования интересов России и США и пытается поддерживать стабильные отношения с Турцией и Ираном. Он сформировал множество союзов и наладил сотрудничество со странами, которые часто имеют противоположные стратегические ориентации, а с точки зрения безопасности он поддерживает контакты со многими союзами, даже противоположными, такими как Содружество Независимых Государств и Организация Североатлантического договора. Одним из важнейших вопросов внешней политики Азербайджана является урегулирование нагорнокарабахского конфликта.

Азербайджан, выбирая свой основной экспортный маршрут для энергетических трубопроводов, также выбрал своих союзников в регионе – Грузию и Турцию. Азербайджан поддерживает Грузию, по-

³⁶ *Shaffer B. Foreign Policies of the States of the Caucasus: Evolution in the Post-Soviet Period // Uluslararası İlişkiler*, 2010. Vol. 7. № 26. P. 51–65. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/ui/v7i26/f_0019853_16923.pdf/ (дата обращения: 06.12.2021).

тому что рассматривает ее стабильность как цель, отвечающую его собственным национальным интересам. Азербайджан играет важную роль в региональной организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова), в которой транспортные и торговые связи и защита инфраструктуры экспорта энергоресурсов являются ключевыми вопросами³⁷.

С 2005 г., с притоком огромных доходов от продажи нефти, Азербайджан почти в три раза увеличил число своих иностранных посольств, стал государством, предоставляющим иностранную помощь, значительно расширил свои вооруженные силы и активно участвовал в различных зарубежных миссиях. Она стала более напряженной во внешней политике и политике безопасности.

В постсоветский период основными целями иностранной политики Грузии были: (1) повысить внутреннюю стабильность и восстановить территориальную целостность; (2) уменьшить российское военное присутствие и влияние на безопасность в государстве; (3) увеличить военное присутствие США в Грузии; (4) усилить интеграцию Грузии в НАТО и в конечном итоге получить членство; (5) обеспечить роль Грузии как крупного и стабильного транзитного государства для Азербайджана и других государств Каспия и Центральной Азии; (6) трансформировать транзитную роль в геополитические преимущества; (7) поощрять прямые иностранные инвестиции в Грузию³⁸.

Грузия – единственная страна в регионе, имеющая выход к морю. И это, и его значение как крупного транзитного маршрута для нефти и газа делают его объектом особого интереса для западных стран, США и России. Важнейшим геополитическим интересом России является дестабилизация ситуации в Грузии, чтобы лишить ее возможности выступить в качестве транзитного государства для других стран.

³⁷ Król-Mazur R. GU(U)AM – od deklaracji po rzeczywistość // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej, 2013. T. 48. С. 293–325.

³⁸ Shaffer B. Foreign Policies of the States..., С. 59–60.

Хотя во время президентства Эдуарда Шеварднадзе во внешней политике Грузии были сформулированы первые прозападные ориентиры, только при президенте М. Саакашвили внешняя политика Грузии эволюционировала в сторону тесного союза с США и вступления в НАТО в качестве полноправного члена. Транзитно-транспортная система также повлияла на выбор стратегических партнеров Грузии, которыми стали Турция, Азербайджан, Казахстан и Украина.

Армения проводила относительно последовательную внешнюю политику в постсоветский период. Ее наиболее важные элементы включают: (1) сохранение прочного союза с Россией, позволяющего России содержать военные базы и размещать войска на территории Армении и интегрировать противовоздушную оборону с Россией; (2) сохранение прочного сотрудничества с Ираном, поддерживая транзит и транспорт через его территорию; (3) получение торговых и транзитных связей с Турцией; (4) сохранение контроля над Нагорным Карабахом; (5) добиться международной легитимности своего контроля над Нагорным Карабахом (не обязательно над окружающими оккупированными территориями); (6) сохранить значительный объем американской внешней помощи; (7) поддерживать прочные связи и сотрудничество с основными центрами армянской диаспоры (особенно в США и Франции), которые поддерживают внешнеполитические интересы Еревана в этих странах³⁹.

Армения решила, что Россия – главная сила на Кавказе и единственная, кто может гарантировать ее безопасность. Поэтому она вступила в союз с Россией. Положение Армении и зависимость ее торговли от транзита через Грузию и Иран очень неблагоприятны для нее. Война 2008 г. заблокировала транзит Армении через Грузию и доступ к российским товарам. Введение жестких санкций против Ирана или начало конфликта там также лишит его поддержки с этой стороны. Несмотря на то, что армянской диаспоре отведено важное

³⁹ Там же. С. 62.

место в Стратегии национальной безопасности⁴⁰, политика Еревана в отношении диаспоры прагматична. Он осторожно относится к соотечественникам в Джавахети (Грузия), Иране и России – из-за стратегического сотрудничества с этими.

Значение религии в государствах Южного Кавказа

В политической реальности стран Южного Кавказа религиозные вопросы играют значительную роль во внутренних и внешних отношениях. Жители региона этнически и религиозно разнообразны, и религия часто связана с национальной идентичностью. В Грузии и Армении существует тесная связь между национальным и религиозным содержанием в общественной жизни и в сфере национальной идентификации. Грузия и Армения являются христианскими с IV века, в то время как в Азербайджане преобладает шиитский ислам. После распада Советского Союза и появления независимых Республики Грузия и Республики Армения церкви воспользовались возможностью заполнить идеологическую пустоту, оставленную коммунизмом, и укрепить свое присутствие в общественном пространстве, из которого они были вытеснены на протяжении десятилетий. Они выдвигают требования к государству признать их доминирующими на данной территории и в то же время юридически ограничивают права последователей других религий, делая невозможным их институциональное развитие на практике. Обе церкви имеют статус национальных церквей и привилегированное положение благодаря специальным соглашениям, подписанным с государством (своего рода конкордат), и многочисленным привилегиям, предоставленным им в конкретных правовых решениях⁴¹.

⁴⁰ В Республике Армения проживает в три раза меньше Армян, чем в диаспоре.

⁴¹ *Dudra S., Król-Mazur R., Maj D. Wschodnia i ekumeniczna perspektywa eklezjalna. Zielona Góra: Morpho. Uniwersytet Zielonogórski, 2018. С. 127–177.*

Сочетание этнических и религиозных компонентов армянской и грузинской идентичности охотно пропагандируется обеими церквями (Армянской Апостольской и Грузинской Автокефальной Православной Церковью). Сегодня они вновь обращаются к нему в дискурсе, чтобы обосновать доминирующую роль религии в жизни нации. Этому способствует тот факт, что, несмотря на различные критические замечания – их обвиняют в раболепстве перед государством и политической инструментализации – эти церкви считаются одними из самых надежных институтов в обеих странах. Это дает им реальный потенциал для влияния на процесс принятия политических решений в стране. С другой стороны, сменявшие друг друга правительства (в Армении до бархатной революции) пользовались очень низким доверием и имели низкий уровень легитимности власти, поэтому они пытались повысить его, используя силу церкви⁴². Пропагандируемая в Грузии и Армении этнорелигиозная идентификация, способствует созданию дихотомического общества, в котором «одни» являются последователями Армянской апостольской или Армянской автокефальной православной церкви, а «другие» – членами других церквей и религиозных объединений. Это также способствует консолидации общества, которое, хотя и хочет демократических перемен в государстве, не обязательно теряет позиции собственной национальной церкви, считающейся хранительницей культурной безопасности. В этих странах именно церкви выступают против интеграции с Европой и западным миром, которая представляется как принесение коррупции и новых, неприемлемых обычаев⁴³. Национальные церкви Грузии и Армении поддерживаются государственными властями, потому что «в политической системе

⁴² Там же; *Król-Mazur R.* Ormiański Kościół Apostolski i jego relacje z władzami politycznymi i społeczeństwem obywatelskim // *Dudra S., Michalak R., Młyńczyk Ł.* (red.) // *Polityczne uwarunkowania religii – religijne uwarunkowania polityki*. T. IV serii *Politologia Religii*. Zielona Góra: Wydawnictwo Morpho. Uniwersytet Zielonogórski, 2017. С. 222–223.

⁴³ *Król-Mazur R.* Sekty religijne w życiu politycznym republiki Armenii / *Marczewska-Rytko M., Maj D.* (red.) // *Politologia religii*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2018. С. 407-424.

она играет роль так называемого зонтика национальной идентичности и легитимации правящей системы»⁴⁴.

В Азербайджане, где шииты составляют значительное большинство (сунниты – 15%), религия не является важным компонентом национальной идентичности (ислам является лишь культурным компонентом национальной идентичности). Национальный азербайджанский ислам укрепляется за счет уменьшения различий между шиитами и суннитами. Правительство продвигает так называемый традиционный ислам, который не противоречит исламским принципам, таким как Коран, хадис и шариат, но дополняет их азербайджанскими традициями, семейными структурами, поведенческими нормами и обычаями. Однако это государственное определение содержит много несоответствий (например, как можно совместить шариат с азербайджанскими традициями и поведенческими нормами, которые меняются). Ислам в Азербайджане является местным и частным, без публичных проявлений. Власти курируют Духовное управление мусульман и контролируют религиозные праздники, опасаясь, что они могут перерасти в критику властей. Власть клана Алиевых стремится полностью контролировать религиозность Азербайджана – она даже не одобряет строительство новых мечетей и удаляет незаконные религиозные объекты. Продвижению традиционного ислама служит открытая в 2014 г. мечеть имени Хайдера Алиева – памятник видению единой религиозной общины (сунниты и шииты) под сильным государственным контролем, он подчиняется не Духовному управлению мусульман, а исполнительному комитету города Баку, и Теологическому институту, финансируемому из государственного бюджета и подчиняющемуся государству. Развитие традиционного, национального ислама сочетается с рекламной кампанией страны на международном уровне – ее отличительной чертой является мирное, многоконфессиональное и культурное сосуществование. Традиционный ислам является чисто местным и про-

⁴⁴ *Król-Mazur R. Ormiański Kościół Apostolski..., С. 228.*

тивостоит исламу, привнесенному из-за рубежа. Исторический опыт такой как, например советские антирелигиозные кампании привели к исчезновению ислама и знаний о нем среди азербайджанских мусульман. Поэтому в начале постсоветской эпохи восстановление религиозной жизни в Азербайджане стало возможным с помощью турок, иранцев и представителей арабского мира. Однако со временем власти обнаружили, что исламские идеи могут оказаться вредными для них. Во имя борьбы с радикализацией начались сражения с религиозными общинами⁴⁵.

Появляются новые религиозные движения – христианские церкви и нетрадиционные мусульманские движения ведут миссионерскую деятельность – но они подвергаются строгому контролю и многочисленным ограничениям. Суннитские организации и мечети считаются «гнездом ваххабитов», и с ними ведется борьба⁴⁶. Многие богословы, священнослужители, религиозные деятели, активисты, журналисты, главы религиозных организаций и общин были арестованы по различным обвинениям. В списке политических заключенных в Азербайджане, опубликованном в июне 2020 г., большинство из них попадают в категорию «религиозных активистов»⁴⁷.

Политика памяти

Продолжающиеся десятилетиями вооруженные конфликты в сочетании с постоянно присутствующими националистическими идеологиями оказывают сильное влияние на содержание и форму официальной политики памяти в странах Южного Кавказа. Принципы отбора событий, содержание дискурсов памяти, реконструкция,

⁴⁵ Bedford S., Mahmudlu C., Abilov S. Protecting Nation, State and Government: 'Traditional Islam' in Azerbaijan // *Europe-Asia Studies*, 2021. Vol. 73. № 4. P. 694–698.

⁴⁶ Brataniec K. Współczesny Islam w Azerbejdżanie – ciągłość czy zmiana w kontekście praw człowieka // *Krakowskie Studia Międzynarodowe*, 2019. R. 16. № 4. C. 115–122.

⁴⁷ Bedford S., Mahmudlu C., Abilov S. Protecting Nation, State..., C. 695.

казалось бы, полузабытых побед и трагедий указывают на специфику отношений с соседями и неизменное присутствие образов врага.

В политике памяти Армении враги из прошлого и настоящего сливаются воедино и усиливают либо чувство жертвы, либо чувство победы. Победоносные для армян сражения, благодаря которым Армения обрела независимость, как после Первой мировой войны, так и после распада СССР, занимают чрезвычайно важное место в мемориальном повествовании. Сардарapatская и Баш-Апаранская битвы (против турок), называемые «героическими майскими битвами», отмечаются 28 мая, что является праздником Первой Республики Армения. Битва при Гаракилисе, которая также иногда является частью празднования победы, также входит в канон армянской национально-освободительной борьбы того времени, несмотря на то, что армяне потерпели поражение⁴⁸. Армения – единственная страна в регионе, где 9 мая отмечается помпезно – официально называется «День Победы и мира». В Армении это тройной праздник. Официально она празднует победу над фашистским режимом в 1945 г. и «освобождение Шуши» в 1992 г. (Нагорно-Карабахская война). К этим двум победам – социалистической Армении и независимой Армении – неофициально присоединяется третий праздник – «День создания Армии обороны Нагорно-Карабахской Республики» (его отмечают только в Нагорном Карабахе, но в Армении в этот день он упоминается во всех выступлениях представителей армянского правительства). Официальный дискурс государственных властей подчеркивает непрерывность борьбы армянского народа против фашизма во Второй мировой войне, против азербайджанской армии в Нагорном Карабахе в 1992 г. и в «апрельской войне» 2016 г.⁴⁹

⁴⁸ Sever A., Soloyan Ch., Abdullayev N., Huseynova S. What and How Do we Remember? The Politics of Official Commemoration in Armenia, Azerbaijan, and Turkey, *Journal of Conflict Transformation*, 15 VI 2018. URL: <https://caucasusedition.net/the-politics-of-official-commemoration-in-armenia-azerbaijan-and-turkey/> (дата обращения: 22.11.2021).

⁴⁹ Там же.

Самым сильным впечатлением на памяти армянского народа стал геноцид, совершенный против него турками в 1915 г. Считается, что память о нем является одним из факторов армянской национальной идентичности. Монументальный мемориальный комплекс «Цицернакаберд» в Ереване посвящен жертвам геноцида (открыт в 1967 г.) В 1995 г. рядом с мемориальным комплексом был построен Музей геноцида. Каждый год 24 апреля, в День памяти жертв геноцида, мемориал становится местом проведения церемоний, посвященных памяти жертв геноцида⁵⁰. Для армян важно, чтобы Турция, как и весь мир, признала события 1915 г. геноцидом. В последнее время на разных уровнях предпринимаются попытки преобразовать повествование о жертвах в повествование о выживании.

Современный дискурс политики памяти объединяет все войны, победы и поражения в одно непрерывное повествование о борьбе армян за национальное освобождение, выживание и мир. Для Армении также характерно слияние советского и постсоветского в церемониях, ритуалах, памятниках и мемориальной архитектуре.

В Азербайджане после обретения независимости правительство начало возрождать память о насильственном прошлом Южно-Кавказского региона, выбирая те проявления, которые могли бы поддержать новую политику, и связывая их с нынешним контекстом нагорно-карабахского конфликта. В Азербайджане советские памятники воспринимались как воплощение преступлений России и Армении против азербайджанского народа и потери независимости. Борьба с этими памятниками неизбежно стала важной частью уже проводившейся в то время десоветизации. Одним из первых был демонтирован памятник Степану Шаумяну, стоявший в Баку. В 1993 г. памятник 26 бакинским комиссарам, стоявший в Баку, был окончательно разрушен. В 1998 г. Хайдер Алиев издал указ «О геноциде азербайджанцев» (в память о кровавых событиях в Баку в марте

⁵⁰ *Pomieciński A.* Od pamięci strąconej do pamięci odzyskanej: Pomnik i Muzeum Ludobójstwa Ormian w Erywaniu // *Our Europe. Ethnography – Ethnology – Anthropology of Culture*, 2017. Vol. 6. С. 7–14.

1918 г.). Враждебность к армянам занимает особое место в политике памяти в Азербайджане. Поражение в борьбе за Нагорный Карабах еще больше укрепило его. Ходжалинская резня отмечается и описывается в учебниках и литературе как «память крови». На национальном уровне это служит для поддержания гнева и оппозиции оккупации Карабаха. Цель направленного извне повествования – убедить международное сообщество признать события геноцидом. Кампания под руководством дочери президента Лейлы Алиевой «Справедливость для Ходжалы» также служит этой цели, являясь культурным авангардом ожидаемого процесса признания «Ходжалинского геноцида». С 1994 г. 26 февраля является днем траура «Днем Ходжалинского геноцида». По всему Азербайджану проходят траурные церемонии. Государственные телеканалы не транслируют развлекательные программы или музыку, но часто показывают фильмы о войне в Нагорном Карабахе. Мемориальные церемонии проводятся и за рубежом Азербайджана⁵¹.

Другим важным событием в политике памяти Азербайджана стали события «Кровавого января», когда в ночь с 19 на 20 января 1990 г. в Баку советские войска, желая остановить начавшиеся несколькими днями ранее в городе погромы против армян, провели военную операцию, в результате которой, по официальным данным, погибли 132 человека и более семисот были ранены. В рассуждениях властей мы имеем дело, с одной стороны, с «невинными жертвами», а с другой, с данью уважения героям и борцам за независимость и территориальную целостность Азербайджана. Погромы против армян, если о них и вспоминают, то объясняют теориями заговора⁵².

Некоторые формы памяти советского периода были сохранены, например, памятник Нариману Нариманову, которому приписывают сохранение Нахичевани и Нагорного Карабаха в составе

⁵¹ *Abdullazade Vagif Abasov S. Baku and the Soviet Heritage: Memory and Oblivion // Journal of Conflict Transformation. URL: <https://caucasusedition.net/memory-politics-the-post-soviet-memory-landscape-in-baku/> (дата обращения: 12.12.2021).*

⁵² Там же.

Азербайджана в 1920-х гг. В дискурсе азербайджанских властей он представлен как политик, который блокировал требования армянских националистов, действующих под покровительством российских большевиков⁵³.

В Грузии, из-за хаотичных политических процессов 1990-х и начала 2000-х годов, новая политика памяти не была систематической и целенаправленной. Интерес к системному использованию истории возрос только после «революции роз» в 2003 г. Политика памяти при президентстве М. Саакашвили была направлена на конструирование новой идентичности с новыми символами, упоминание конкретных фактов прошлого и их интерпретацию, трансформацию отношения к Российской Федерации и восприятие ее как исторического противника. Символическим выражением отдаления страны от прошлого стало создание новых государственных символов, где новые герб, флаг и гимн подчеркивали героическое прошлое Грузии и великие битвы предков. Давид Строитель (на его могиле Саакашвили принял президентскую присягу в 2004 г.) и Святой Георгий стали символами свободы и объединения. События и герои времен Первой Республики Грузии заняли важное место в политике памяти. В феврале 2006 г. Саакашвили отдал дань памяти кадетам, погибшим в оборонительной борьбе против большевиков в феврале 1921 г. В своей речи он дал самую радикальную оценку советской власти, которая «полностью разрушила Грузию и убрала ее с пути европейского развития»⁵⁴. В том же году по случаю Дня независимости Грузии был открыт Музей советской оккупации в Тбилиси.

Восприятие России как оккупанта и угнетателя было усилено войной 2008 г. Именно тогда была предпринята попытка создать негативный образ Иосифа Сталина (его памятник в Гори также был снесен). Однако Иосиф Сталин воспринимается обществом двояко

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Karaia T. Memory Strategies in Contemporary Georgia // Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*, 2017. № 4. С. 10.

(с одной стороны, он один из самых известных грузин, с другой – человек, который привел большевистскую армию в собственную страну и способствовал гибели многих соотечественников)⁵⁵. В 2010 г. парламент Грузии принял постановление, в котором 25 февраля было объявлено днем советской оккупации. Были открыты архивы бывшего КГБ и опубликован список грузинских агентов советской разведки. Своеобразным катарсисом стало принятие в мае 2011 г. закона о люстрации под названием «Хартия свободы»⁵⁶. Грузия также не празднует победу в Великой Отечественной войне 9 мая. Вместо этого Саакашвили ввел праздник победы над нацизмом, который, как и в Западной Европе, отмечался 8 мая. Однако его преемники вновь ввели дату 9 мая, которая и по сей день является предметом политических и общественных споров⁵⁷.

Памятники сыграли важную роль в формировании новой идентичности государств Южного Кавказа. Многие памятники, олицетворяющие советскую культуру, были демонтированы, некоторым придан новый смысл (например, «Мать-Армения», «Мать-Грузия» рассматриваются как собирательный образ нации). Появились и новые, построенные на месте старых (памятник Святому Георгию в Тбилиси на месте памятника Ленину, Аллея мучеников и памятник вечному огню⁵⁸ на месте памятника Сергею Кирову в Баку, или памятник «Плач матери» жертвам Ходжалинской резни⁵⁹ также в Баку),

⁵⁵ Nodia G. The Second World War in the Political Discourse of Contemporary Georgia // *Studia Polityczne*, 2021. Т. 49. № 2. Р. 49.

⁵⁶ Law of Georgia Freedom Charter, The Legislative Herald of Georgia. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/1381526?impose=translateEn&publication=8/> (дата обращения: 12.12.2021).

⁵⁷ Nodia G. The Second World..., С. 46–48.

⁵⁸ Посвящается жертвам советской интервенции в Азербайджан в 1990 году и войны за Нагорный Карабах.

⁵⁹ В ночь с 25 на 26 февраля 1992 года армянские войска открыли огонь по азербайджанским беженцам в стратегически важном селе Ходжалы в Нагорном Карабахе.

или на новых местах (памятник Героям⁶⁰ и мемориал Рональда Рейгана в Тбилиси, памятник Вардану Мамиконяну⁶¹ в Гюмри).

Политика памяти в странах Южного Кавказа имеет общие черты, такие как послание зарубежным странам и избирательность в том, что и как понимается, изменяя факты в зависимости от политического контекста времени, а мемориалы и ритуалы как для «диаспорных сообществ, так и для международного сообщества создаются и проводятся по всему миру. Эта политика памяти является серьезным препятствием на пути мирного урегулирования конфликтов, которые в настоящее время разделяют регион. Дискурс самобичевания и обострения ненависти к «оппонентам» не оставляет места для конструктивного диалога.

⁶⁰ Он посвящен грузинам, погибшим в борьбе с Красной Армией в 1921 году, в антисоветском восстании 1924 года, в войне в Абхазии в 1992-1993 годах и в войне в Южной Осетии в августе 2008 года.

⁶¹ Один из величайших национальных героев, христианский мученик, святой Армянской Апостольской Церкви. Лидер восстания армянских христиан против религиозных преследований со стороны персов. Он погиб в битве при Аварайре в 451 году, которую армяне считают битвой в защиту христианства.